

с той лишь разницей, что начало сокращено, а окончание более пространно. У Нила оно обрывается на описании, какие народы едят на земле, а какие за столом, и на рассказе о горнице, где Спас столовался с учениками, «а та горница стоит и донныне во Иерусалиме, в коей Спас со ученики ел паску, а служат в ней латыни, а внутри нет ни лавок ничего». В послании Максима Грека после этих слов имеется продолжение с кратким описанием афонских монастырей: «В Иверской земле град был на усть реки Фасьи близ поморя» (о переходе иконы Иверской богородицы на Афон), затем рассказывается о монастырях Иверском и Ватопедском.²⁷ Есть основание полагать, что этот фрагмент также принадлежит Нилу. Текст, по которому это произведение Нила опубликовано Н. Никольским (сборник ГПБ, О.ХVII.64, XVI в., лл. 300—301 об.), по-видимому, восходит к дефектному списку сборника XVI в. ГБЛ, Волоколамское собр., № 520, лл. 161—163 об., где статья оборвана как раз на словах «а внутри нет ни лавок ничего», причем в конце фразы, доходящей точно до конца строки, поставлена точка с запятой; далее приплетена другая тетрадь. Упомянутое выше окончание статьи по стилю более соответствует литературной манере Нила, не упускающего возможности дать в свободном пересказе краткое изложение хорошо ему известных сказаний, в том числе и об Афоне.

Обращение к вопросу об артосе в трудах Нила и Максима Грека показывает тесное соприкосновение литературного творчества двух авторов. Для изучения письменного наследия Максима Грека существенное значение имеет выявление сочинений, введенных в русскую литературу его предшественниками, одним из которых был епископ Нил.²⁸

Заметим, что апокриф о панагии и артосе в редакции, изложенной Нилом, послужил литературным источником одноименного сюжета в стенописях XVII в. Его можно встретить в росписи алтарной части ярославской церкви — Ильи Пророка,²⁹ Иоанна Предтечи в Толчкове и др.

Послание Нила Георгию Ивановичу дополняет наше представление об авторе, которое отчасти сложилось при ознакомлении с уже известным Посланием об артосе. Это пастырь, который видел свое предназначение в том, чтобы пасти «о Христе свое стадо во преподобии и правде» (л. 356 тетради). Не мудрствуя лукаво, он сохранял детскую веру в баснословие самого разнообразного толка, естественную у воспитанника святогорского монастыря, чувствуя себя запросто и, можно сказать, уютно в фантастическом мире, созданном позднехристианской мифологией. Простодушная вера не оставляла почвы для малейшего сомнения, что, по-видимому, оказывало умиротворяющее действие в той, полной духовного брожения среде, какую Нил нашел в России. Эти качества в сочетании с дипломатичностью и обеспечили ему, в противовес Максиму Греку, устойчивое общественное положение в трудной и сложной политической обстановке в России в первой четверти XVI в.

²⁷ Сочинения Максима Грека, ч. 3, стр. 112—113.

²⁸ Некоторые произведения Нила могли быть использованы Максимом Греком в его писаниях, другие могли быть включены в сборники сочинений Максима Грека, составленные посмертно. Классификация сборников и выделение группы, составленной при жизни Максима Грека, произведены Н. В. Синецкой, см.: Н. В. Синецкая. Рукописная традиция XVI—XVIII вв. Судьба собраний сочинений Максима Грека. (К постановке вопроса). — ТОДРА, т. XXVI, Л., 1971, стр. 259—266.

²⁹ В Ильинской церкви (стенопись 1681 г.) композиция помещена в алтарной части придела Варлаама Хутынского, на западной стене: богородица в ореоле на облаках, по сторонам ее ангелы, у подножия апостол Петр, преломляющий хлеб. Надпись: «Явися пресвятая богородица апостолом по успении своем в третий день в преломлении хлеба».